

Зачем он так глупо поступил, зачем вместе с Чжоу Сюэжунем вошел в Зеркальный дом, почему послушал этого мерзавца и вышел один? Теперь Чжоу Сюэжун остался там ждать смерти, а он здесь, беспомощный, не способный ничего сделать!

Сюй Минлан шел вперед, почти не чувствуя своего тела, даже рана на голове онемела от холода. Он только и мечтал, чтобы его сердце тоже окаменело, чтобы больше ничего не чувствовать, чтобы убить в себе это чувство вины и бессилия. Он продолжал идти по дороге, пока два ярких луча света не заставили его поднять руку, защищая лицо.

Е Цзявэнь тут же крикнула Юй Хаохуаю остановить машину и, выпрыгнув с максимальной скоростью, подбежала к Сюй Минлану:

— Лан Ге, как ты? А Чжоу Дагэ?

Ее рывок пришелся как раз на раненое плечо Сюй Минлана, и он вскрикнул. Е Цзявэнь, увидев, что половина его тела покрыта засохшей черной кровью, дрожащим голосом спросила:

— Чжоу Дагэ еще жив?

Эти слова словно ударили по и так уже подавленным нервам Сюй Минлана. Он резко поднял голову и начал бормотать:

— Быстрее... он в Зеркальном доме... поторопитесь, иначе будет поздно... поздно!

Е Цзявэнь, повторяя «хорошо, хорошо», помогла ему сесть в машину. Сюй Минлан, весь в крови, с выражением глубокой скорби и растерянности, наполнил салон тягостным молчанием. Чжао Дунсян уже хотел что-то спросить, но Е Цзявэнь остановила его. Мяо Фан, вспомнив странные события, произошедшие в замке, хотел обменяться информацией с Сюй Минланом, но Е Цзявэнь пальцем показала ему, чтобы он замолчал. Мяо Фан укутался в одеяло и что-то пробормотал.

По указанию Сюй Минлана машина наконец остановилась у выхода из Зеркального дома. Сюй Минлан выпрыгнул так быстро, что его ноги не смогли удержать его, и он упал в снег. Е Цзявэнь пыталась поднять его за руку, но у нее не хватило сил поднять мужчину ростом почти под метр восемьдесят. Сюй Минлан, с глазами, налитыми кровью, почувствовал, как кто-то сильный поднял его с земли. Это был Юй Хаохуай.

— Почему именно здесь? Через главный вход нельзя было пройти? — спросил Юй Хаохуай, который, несмотря на все пережитые неприятности, выглядел гораздо спокойнее Сюй Минлана. Он указал на выход, но сам не собирався входить.

— Нет времени объяснять, но там остался последний клоун, и Чжоу Сюэжун в большой опасности... Пройди через заднюю дверь, внутри есть потайной вход, он там. — Сюй Минлан с трудом дышал, но говорил искренне. — Только ты можешь его спасти. Даже если не убьешь клоуна, вытащи его оттуда!

Юй Хаохуай задумчиво кивнул и начал отряхивать снег с одежды.

Е Цзявэнь тоже почувствовала, что что-то не так, и торопливо сказала:

— Юй Цзингуань, времени мало.

Юй Хаохуай посмотрел на девушку и произнес то, чего никто не ожидал:

— Что, ты хочешь пойти спасти его?

Эти слова ошеломили не только Е Цзявэнь, но даже Чжао Дунсян, который обычно не лезет в споры, не мог ничего сказать. Мяо Фан, как молодой и горячий парень, взорвался:

— Юй, ты только попробуй повторить! У тебя вообще есть совесть? Посмотри на Сюй Минлана, весь в ранах! Они с Чжоу Сюэжуном ради кого это сделали?

Юй Хаохуай смотрел на юношу с видом уставшего от жизни человека, слушающего юношеские идеалы:

— Хорошо. Ты прав, ты горячий, у тебя есть чувство справедливости. Тогда почему ты сам не идешь его спасать?

Мяо Фан онемел.

— У нас нет оружия, ты же видел, какой этот клоун. Если пойдем в лобовую, это будет самоубийство. Я не настолько велик, чтобы из-за того, что я полицейский, обязательно идти первым! У меня нет высоких моральных принципов жертвовать собой ради других! — Юй Хаохуай обвел взглядом молчаливых товарищей, и его голос стал скорбным, но из-за резкости перехода эта скорбь звучала неестественно. — Чем вы сейчас отличаетесь от морального насилия? Говорите красивые слова, но только толкаете других на смерть. Ты спрашиваешь, есть ли у меня совесть, а почему не спросишь, есть ли она у тебя?

— Хватит лицемерить! Если боишься, так и скажи! — огрызнулся Мяо Фан. — Мы с Сюй Минланом пойдем, ты что, думаешь, без тебя не обойтись?

Мяо Фан, говоря это с пафосом, был остановлен Сюй Минланом. Мяо Фан подумал, что Сюй Минлану не нравится его привычка всех критиковать, и раздраженно спросил:

— Тебе что опять нужно?

Сюй Минлан резко тряхнул головой, пытаясь избавиться от головокружения. Он остановил Мяо Фана не по той причине, которую тот предполагал, а потому что понял, что имел в виду Юй Хаохуай. Он обратился к Юй Хаохуаю:

— Я признаю, ты прав. В любом случае, мы не можем заставить тебя жертвовать собой.

— Лан Ге... — Е Цзявэнь с удивлением посмотрела на Сюй Минлана.

Юй Хаохуай же резко сменил тему:

— Я его спасу. Но вы запомните, кто сегодня спас его, кто спас вас!

— Что? — Е Цзявэнь и Мяо Фан были озадачены таким поворотом событий, но на лице Сюй Минлана не было удивления. Он давно заметил, что все эти театральные речи Юй Хаохуая — лишь попытка подчеркнуть свою «заслугу». Он ненавидел Чжоу Сюэжуна, и Сюй Минлан до сих пор не понимал, почему. Теперь, возможно, он знал ответ.

Чжоу Сюэжун был сильным, смелым, и это вызывало у остальных чувство зависимости. Именно этого Юй Хаохуай и не хотел, поэтому он постоянно нападал на Чжоу Сюэжуна, пытался разрушить его влияние. Он хотел, чтобы все знали, что Чжоу Сюэжун обязан ему жизнью.

Сюй Минлана охватило чувство отвращения. Таких людей он встречал еще в школьные годы, и они всегда вызывали у него презрение. Даже в классе из сорока человек всегда находились те, кто хотел использовать свою власть, чтобы получить особое отношение, превращая класс в пирамиду власти. Каждый раз, глядя на их льстивые лица, он чувствовал, насколько уродлив этот мир.

Как и сейчас.

Юй Хаохуай повернулся, чтобы уйти, но Сюй Минлан, вырвавшись из рук Е Цзявэнь, сказал:

— Я пойду с тобой.

Юй Хаохуай:

— Ты уверен?

Сюй Минлан твердо кивнул. Он не мог доверить Юй Хаохуая идти одному. Что, если тот войдет и ничего не сделает, просто будет ждать, пока Чжоу Сюэжун умрет?

Юй Хаохуай, очевидно, понял мысли Сюй Минлана и, раздраженно бросив «как знаешь», побежал к выходу.

Сюй Минлан, шатаясь, последовал за ним.

Тяжелые шаги и прерывистое дыхание, каждый вдох наполнен липкой сладостью крови. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз чувствовал себя таким беспомощным?

Молодое, сильное тело теперь оказалось бесполезным, и он мог лишь полагаться на ноги, чтобы бежать и прятаться в туннеле, состоящем из зеркал. Он привык быть охотником, и нынешняя ситуация была для него непривычной, но, полагаясь на животный инстинкт, он смог двигаться тихо, не издавая звуков.

Без сильных рук он даже не мог поднять топор, и все, что оставалось, — прятаться и выживать. В такие моменты Чжоу Сюэжун ясно осознавал, насколько сильна воля к жизни. Даже если он был готов умереть, тело не хотело подчиняться, упрямо желая прожить еще немного, еще чуть-чуть...

Чжоу Сюэжун шел осторожно, как вдруг услышал медленные шаги поблизости.

Он затаил дыхание, увидев слева разбитое зеркало, от которого осталась только рама, и, выскользнув наружу, увеличил расстояние между собой и клоуном. Но, как назло, его правая нога в последний момент задела осколок стекла, прилипший к раме, и тот упал на пол, разбившись с громким звоном.

Проклятье.

Чжоу Сюэжун замер, внимательно прислушиваясь, но не услышал ничего необычного. Судя по шагам, клоун продолжал идти с той же скоростью, даже не замедляясь. Чжоу Сюэжун не мог понять такое странное поведение. По логике, клоун должен был тут же прибежать на звук. Оставалось только одно объяснение — клоун уже понял, что он отчаянно сопротивляется, и воспринимал это как игру, в которой он полностью контролирует ситуацию.

«Бах!» — раздался выстрел, и звук разбивающегося зеркала заставил Чжоу Сюэжун резко очнуться.

<http://bllate.org/book/15403/1361450>